

УДК 111:316.77

И.В. Цифанова

Экспликация понимания современности в теории информационного общества

В статье анализируется трансформация философского понимания современности как социального феномена, вышедшего на первый план благодаря радикальным изменениям общественной жизни, описанным в теориях Д. Белла, М. Маклюэна, М. Кастельса и приведшим к переосмыслению бытийных и функциональных характеристик информации. Обосновывается тезис о фундаментальной взаимосвязи становления информационного общества с возрастанием роли и места идентичности в общественном и индивидуальном сознании современного человека.

Ключевые слова: современность; информационное общество; идентичность; социальные структуры; социальное бытие.

Начиная с Античности и до недавнего времени ни в философии, ни в социальных науках ученые не видели смысла в какой-то особой концептуализации понятия «современность». Несмотря на свою неэксплицированность и многозначность, оно ориентировалось на предельно ясный и понятный смысл, прекрасно проявляющийся в синонимах «сегодняшний» и «нынешний». В его истолковании естественным образом появляются и оппозиции: «сегодняшний – вчерашний», «нынешний – прошедший», связывающие его с опытом внутреннего восприятия времени и различения его событийной стороны. Но в последние десятилетия ситуация изменилась — слишком остро стала восприниматься зависимость всего того, что кажется существенным, от содержания нынешней эпохи. Вот почему построение теории современности составляет существенную часть социальной философии на современном этапе.

Наиболее влиятельными концепциями сегодня стоит признать следующие теории современного общества: теорию постиндустриального общества; теорию информационного общества; теорию общества потребления; теорию постмодернистского общества; теорию общества позднего модерна; теорию индивидуализированного общества.

Эти и другие, менее известные концепции заставляют по-иному смотреть на истоки и смысл социальности, что не может не сказаться на способах и механизмах интерпретации идентичности, не говоря уж о понимании механизмов ее обретения.

Первая теория современности исходит из самого простого разделения всех обществ на цивилизованные и архаичные. Это разделение было социально-

философской и социально-антропологической концептуализацией уходящего в предыдущие два столетия отделения европейцев от всех остальных, неевропейских рас и народов. Как известно, европейские общества в XVIII–XIX вв. резко отличались от азиатских или африканских обществ. Турция или Япония в XIX в. развивали свои промышленные производства, но со значительным отставанием и исключительно методом заимствования, а общество Соединенных Штатов Америки в тот период было обществом европейских колонистов. Индустриальное общество отличается от аграрного или доиндустриального самым радикальным образом. Фактически индустриальное общество имеет иные структуры и иные институты, а социальные практики, создающие структуры и институты, сохраняющие и воспроизводящие их, наполнены совершенно иным содержанием.

Главные отличия доиндустриальных обществ от индустриальных подробно рассмотрены еще в философии и социологической теории XIX и XX вв. Но переход к теории постиндустриального или информационного общества стал настоящим переворотом в обществознании, и во многом он был обусловлен пониманием того, что модели классического индустриализма описывают социальную реальность европейских обществ лишь отчасти. Большинство их специфических признаков теперь скорее подходит для объяснения социальных процессов, протекающих в странах Азии или Латинской Америки, где традиционалистские элементы причудливо сочетаются с явлениями, типичными для недавней европейской истории. Европейские общества, пережившие индустриализацию вместе с классической демократией и столь же классическим капитализмом, трансформируются в нечто иное.

Наиболее известная концепция современности — теория постиндустриального, или информационного общества, связанная с именами Д. Белла и Р. Арона. Ее суть состоит в том, что под влиянием машин и компьютеров меняется тип социального бытия. Как отмечает Д. Белл, «разрушается традиционная связь между работой и доходом. “Экономика изобилия” способна обеспечить всех граждан комфортом и экономической безопасностью, независимо от того, заняты они работой или нет. Таким образом, становление постиндустриального общества знаменует собой поворотный пункт в наиболее фундаментальном опыте человека — выделении его социальной сущности в процессе труда» [2: с. 169]. Казалось бы, что может быть лучше — человек становится свободным и независимым от жесткой и неотвратимой прежде борьбы за выживание. Однако Д. Белл предупреждает, что человеку постиндустриального общества придется искать новый смысл жизни, т. е. по-новому определять систему целеполагания. Но эта задача не может не вступить в противоречие с выработанным веками инстинктом человеческого рода. Любопытно, что именно с этой проблемой столкнулись свободные граждане Афин два с половиной тысячелетия ранее, и их ответом стал набор практик, именуемых сегодня античной философией. И действительно, философия решала в ту эпоху триединую задачу: она одновременно занимала досуг, приносила пользу, хотя и весьма необычную,

а также способствовала изменению традиционного целеполагания. Познание из средства борьбы за существование превращалось в цель жизни. Но предложить данную альтернативу всем гражданам античные философы не смогли, даже им приходилось преподавать и брать плату за обучение, не говоря уж об остальной элите афинского общества, активной и деятельной.

Но если афинские философы рассуждали о смене ориентиров и смысла жизни, опираясь на учение о видимом и невидимом, ошибочном и истинном, чувственном и умопостигаемом, то Д. Белл выдвинул совершенно иные аргументы в пользу отказа от прежних инстинктов и ценностей [1]. Его триада, объясняющая эволюцию человеческого общества, включающая в себя традиции, рост экономики и кодификацию теоретического знания, сегодня выглядящая как наивное упрощение, оказалась краеугольным камнем идеологии капитализма последней трети XX в. Данная концепция и в момент выдвижения выглядела весьма проблематично. Так, приверженность традиции и экономический рост, по крайней мере на первый взгляд, кажутся двумя принципами, не имеющими общего основания, без чего невозможно рассматривать их как члены деления. Но если рассматривать эти два понятия — традицию и экономический рост — как принципы, обеспечивающие социальное выживание и регулирующие все стороны жизни соответствующих типов обществ, то концепция сразу же превращается в действенную и эффективную. Здесь нельзя не вспомнить знаменитое предсказание, которое было сделано К. Марксом в XIX в., о превращении науки в непосредственную производительную силу. В текстах Д. Белла содержалось многократное подтверждение этого прогноза, что и стало причиной популярности его концепции в советской философской литературе (см.: [3; 7; 5]). Конечно, термин постиндустриального общества чаще заменялся словами об информационной эре, информационном обществе, эпохе научно-технического прогресса, потому что грядущее общество надо было называть коммунистическим, а не постиндустриальным.

Как известно, Д. Белл квалифицировал доиндустриальное общество как добывающее, индустриальное — как производящее, а постиндустриальное общество он называл обрабатывающим. Действительно, благосостояние людей в традиционном обществе зависит от урожая, поголовья скота, количества человеческих ресурсов, которые можно привлечь к добыче природных ископаемых, индустриальное общество также зависит от ресурсов, но они нужны уже для процесса производства, который превращается в стержень всего социального бытия — возможность производить становится источником благосостояния, процветания и могущества. Это видно невооруженным глазом потому, что индустриализация XVIII–XIX вв. не только сделала западноевропейские страны богатыми, но и породила нищету в аграрных обществах Азии, Африки и даже Восточной Европы. Массовые мануфактурные производства Персии, Индии и Китая также оказались неконкурентоспособными, что в конечном итоге привело к доминированию нескольких сравнительно небольших по размеру и численности населения стран над всем остальным миром и практически

полной его колонизации последними. Именно тогда достоинства индустриализма были в полной мере осознаны теоретиками и воспеты идеологами. Между тем социальные перемены, которые накапливались постепенно, но стали особенно заметны во второй половине XX в., заставили философов задуматься над вторичностью производства. На первый план вышли обстоятельства, указывавшие на рождение общества, в котором кодификация теоретических знаний и превращение их в информацию становится ресурсом, более ценным, нежели индустрия. Особая роль науки мыслится американским теоретиком как ключ к объяснению всех институциональных изменений. Если научное знание способствовало преодолению множества прежних проблем, то оно же породило и множество новых. Прежде всего происходит рождение новой элиты, претендующей в силу своей профессии на особую роль в управлении обществом, конкурируя в сфере управления, а значит, и в претензии на власть с традиционной элитой, чье господство базировалось не на знаниях, а на традиции или богатстве. Все это не только в корне меняет социоструктурные и социоинституциональные аспекты человеческой жизни, но и требует перестройки общественного сознания.

Перестройка общественного сознания в полной мере затрагивает режимы функционирования исторического сознания, изменение его сущности и содержания. История по-прежнему нужна для легитимации власти традиционным элитам, а технократические элиты, состоящие из специалистов и инноваторов, стараются найти в историческом знании то, что позволит им закрепить свои претензии на роль в управлении обществом. Таким образом, историческое сознание меняется как структурно, так и содержательно — оно становится варибельным и интерпретативным, а роль фактического превращается во второстепенную.

Вторая глобальная проблема постиндустриального общества становится для Д. Белла очевидна при его сравнении стран Запада со странами мировой системы социализма, где с самого начала распределение господствует над обменом и роль рынка минимизируется благодаря внедрению в жизнь коммунистического учения. Но и те страны, в которых право собственности и рыночная экономика сохранили свое значение и легитимность, постепенно сталкиваются с эффектами, напоминающими по своему смыслу последствия процессов насильственного изменения общественно-политического строя. Если прежде материальные блага надо было найти, захватить или произвести, для того чтобы обладать ими, потреблять их или обмениваться ими, то блага информационные обладают совершенно иными качествами — они требуют не только радикальной перестройки рынка. И даже не сводятся к тому, что рынок информации и информационных услуг оказывается частью нового информатизированного глобального рынка. Рыночные процессы становятся вторичными еще и потому, что распределение материальных и информационных благ перемещается из сферы экономики в социальную сферу. Социальные структуры и институты берут на себя функции распределения в гораздо большей степени, чем это было прежде. Постиндустриальное общество, способное организовать

распределение на институциональном уровне, заставляет его двигаться в том же направлении, в котором движутся в XX в. общества социалистического выбора.

Д. Белл называл постиндустриальным это новое общество, хотя и подчеркивал роль информации, науки и кодификации теоретического знания. Он даже писал, что постиндустриальное общество является информационным, однако здесь информационность выступает как важный признак, а главным признаком сущности нового общества Д. Белл все же определяет его отношение к феномену индустриализма. Многие теоретики пошли дальше — они новое общество назвали информационным, считая данный признак системообразующим, а значит, и концептообразующим. Так, американский исследователь М. Кастельс назвал современное состояние общества информационной эрой, а его общественно-экономический строй — информациональным капитализмом (исходя из терминологии формационного подхода).

Производство знания и информационных потоков способно, по мнению М. Кастельса, детерминировать все без исключения социальные, политические, экономические, культурные и даже духовные процессы. Он даже полагал, что генерирование знания способно их порождать, а также направлять. «Информационная/глобальная экономика организована вокруг командных и управляющих центров, способных координировать, вводить инновации и управлять взаимосвязанными видами деятельности сетей фирм», [4: с. 59] — писал он в ходе исследования взаимосвязи экономики, общества и культуры в условиях новой эры.

Новая эра иначе структурировала сферы социальной жизни, проведя некую их селекцию и сохранив только те, которые были связаны с производством информации и управлением ею. «Развитые услуги, — отмечал М. Кастельс, — включая финансы, страхование, операции с недвижимостью, консультирование, юридические услуги, рекламу, дизайн, маркетинг, связи с общественностью, обеспечение безопасности, сбор информации и управление информационными системами, а также НИОКР и научную инновацию, находятся в ядре всех экономических процессов, будь то в промышленности, сельском хозяйстве, энергетике или услугах различных видов» [4: с. 59].

Теория информационного капитализма построена с применением концептуального аппарата марксизма, который оказал существенное влияние на М. Кастельса. Но в основе нового понимания действительности лежат разнообразные образы, среди которых модель информационного общества как общества сетевого. Правда, он считает, что все общества были информационными, так как использование информации свойственно природе человека и природе общества, ибо еще Аристотель определял общество как общение, а государство — как его вид. В XX в. эра стала более информационной, но капитализм все еще определяет самую суть современного общества. Еще одна особенность данной теории — тезис о неревOLUTIONном наступлении новой эры, которая является продолжением прежних времен. Просто развитие

ИКТ, согласно концепции информационного способа развития, приводит к реструктуризации капиталистического способа производства, смысл которой может быть определен как доминирование сетевого предпринимательства. Обращение к терминам сетевого общества и сетевого предпринимательства обусловлено не только все возрастающим влиянием Интернета, которое сегодня видит каждый. М. Кастельс опирается на идеи канадского философа М. Маклюэна, чьи исследования позволяли сделать вывод о смерти прежнего мира, основанного на печатном слове, и наступлении новой эры — эры электронных средств связи между людьми.

М. Маклюэн придавал особое значение изменениям в жизни человека и общества, вызванным новейшими технологиями. Он предлагал подумать над последствиями этого процесса для структуры социального мира, для социального пространства и времени. «После трех тысяч лет взрывного разброса, связанного с фрагментарными и механическими технологиями, западный мир взрывается вовнутрь. На протяжении механических эпох мы занимались расширением наших тел в пространстве. Сегодня... мы расширили до вселенских масштабов свою центральную нервную систему и упразднили пространство и время...» [6: с. 5]. Изменения не только затрагивают пространство и время, но и тотально проникают в социальные практики, в соответствии с концепцией М. Маклюэна. В качестве примера он приводит диалог между письменными и неписьменными (дописьменными) культурами, характеризуя первые как визуальные и цивилизованные, а вторые как слуховые и племенные [6: с. 98]. Унифицирующее воздействие письма, полагает он, находит свое продолжение в едином механизме ценообразования, но электроника преобразует мир таким образом, что он оказывается вызовом не только для дописьменных, но и для письменных обществ.

М. Маклюэн увидел в телевидении, радио, телефоне и телеграфе главных преобразователей социальности, и он считал, что эти нововведения привели к кардинальным изменениям в обществе. Появление Интернета в корне поменяло ситуацию: новое техническое изобретение не просто усилило или углубило преобразующие эффекты — оно трансформировало направленность изменений. По мнению М. Кастельса, компьютерные сети ограничивают массовизацию, обусловленную телевидением и радио, превращая электронное общение в столь же индивидуальный процесс, что и обычное общение. Индивидуализация коммуникации и ее интерактивность становятся силой, способной препятствовать социальной фрагментации. М. Кастельс прямо заявляет об опасности фрагментации, мощным мотивом которой становится домашний образ жизни, навязываемый современными массмедиа. Включенность в Сеть вновь делает человека свободным потому, что существенно расширяет возможность выбора и в потреблении новостей, и в потреблении продуктов для досуга, и в принятии тех или иных взглядов, идей и оценок.

Совершенно особые отношения складываются сегодня в области производства и потребления знания. Не применения, а именно потребления, потому

что в обществе потребления наука также может быть измерена в потребительских категориях. Знание превращается в предмет потребления, и его потребление, всегда бывшее процессом социальным, сегодня обретает новое качество — его потребляют не отдельные ученые или коллективы, а целые социальные сети.

Новое понимание времени М. Кастельс связывает с новым пониманием истории. Так, он обращает внимание на то, что в Средние века между событиями время переставало быть чем-то исчислимым, что особенно подчеркивалось тем значением, которое придавалось религиозным праздникам. Для американского философа примером становится размышление советского писателя А. Платонова о специфике отношения к времени в русской культуре. Он даже называет Россию вневременным обществом, в котором периодически возникали попытки «войти» во время, подчиниться временному способу социального бытия. Первой такой попыткой он считает реформы Петра, второй — преобразования большевиков. И в первом, и во втором случае мы сталкиваемся с этатистской модернизацией, где время оказывалось средством привнесения современности в жизнь общества. «Измеряя и облагая налогами время людей, подавая личный пример интенсивного, распределенного по времени рабочего графика, Петр Великий положил начало вековой традиции соединения службы стране, подчинения государству и исчисления временного хода жизни» [4: с. 116].

Не менее интересной и показательной для Кастельса выглядит ситуация с коммунистическим подчинением времени. Если для фордизма время — это деньги и ускорение времени означает увеличение прибыли, то идеология коммунистической партии основывалась на презрительном отношении к деньгам, уходящем своими корнями еще в восточнохристианскую систему ценностей.

Современный мир отказывается от привязки к единому, мерно текущему времени. Не случайно Нью-Йорк еще в 1960-е гг. с восхищением называли городом, который никогда не спит. Время становится подвластно человеку, оно релятивизируется, человек получает власть над ним. Но в информационном обществе и постиндустриальной экономике время действительно превращается в источник стоимости. Это становится возможным благодаря возникновению всеобщего рынка денег, который, что особенно важно, работает круглосуточно. Валютные торги, торговля акциями, появление деривативов и иных производных финансовых инструментов — все это происходит непрерывно, в режиме реального времени. Дерегуляция рынка, сокращение посредничества, плавающие обменные курсы превращают биржевые структуры во всемирное казино, что позволяет М. Кастельсу сделать заключение о том, что капитал спрессовывает время, поглощает и переваривает его, не давая ему свободно существовать.

Таким образом, можно заключить, что современное общество, которое чаще всего определяют то как информационное, то как постиндустриальное, ставит под сомнение нормальные режимы функционирования социальных структур и институтов. Новые технологии блокируют возможность

и способность выполнения социальными структурами тех функций, для которых они создавались. В результате структуры и институты начинают выполнять прямо противоположные функции: вместо того чтобы быть средством информации, они превращаются в орудие дезинформации; вместо того чтобы обеспечивать беспристрастное функционирование судов, они позволяют использовать судебные структуры для проведения в жизнь своих собственных интересов. Исторический опыт функционирования социальных структур в информационных обществах дает все основания говорить о бытийных переменах: фроммовская альтернатива *иметь или быть* оказывается индикатором тех трудностей, которые вносит информационное общество в жизнь человека. Его самосознание и идентичность. Вот почему функционирование структур и знаний в современных обществах нуждается в отдельном исследовании и альтернативной концептуализации. Одним из главных эффектов модерна становится смена механизмов обретения идентичности и функционирования самосознания личности в целом.

Все это самым радикальным образом сказывается на механизмах идентификации и самоидентификации. Идентичность более не воспринимается как нечто бытийное и безусловно данное. Если информацией и даже знанием можно управлять, то предзаданность и неизменность идентичности уже не воспринимаются как нечто само собою разумеющееся.

Литература

1. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Академия, 1999. 783 с.
2. *Белл Д.* Наступление постиндустриального общества // Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи. Антология современной классической прогностики. 1952–1999. М.: Academia, 2000. С. 161–177.
3. *Бестужев-Лада И.В.* Управление научно-техническим прогрессом: Социальные аспекты // Политические науки и НТР. М.: Наука, 1987. С. 74–84.
4. *Кастельс М.* Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. М.: ГУВШЭ, 2000. 458 с.
5. *Куликова О.Б.* Новый этап научно-технической революции и развитие социалистического общества. Иваново, 1989. 13 с.
6. *Маклюэн Г.М.* Понимание медиа: Внешнее расширение человека. М.: Кучково поле, 2014. 129 с.
7. *Мелентьев Л.А., Макаров А.А., Ивахнов А.В.* Политика бережливости. М.: Сов. Россия, 1982. 80 с.

Literatura

1. *Bell D.* Gryadushhee postindustrial'noe obshhestvo. Opy't social'nogo prognozirovaniya. M.: Akademiya, 1999. 783 s.
2. *Bell D.* Nastuplenie postindustrial'nogo obshhestva // Vperedі XXI vek: perspektivy', prognozy', futurologi. Antologiya sovremennoj klassicheskoy prognostiki. 1952–1999. M.: Academia, 2000. S. 161–177.

3. *Bestuzhev-Lada I.V.* Upravlenie nauchno-texnicheskim progressom: Social'ny'e aspekty' // Politicheskie nauki i NTR. M.: Nauka, 1987. S. 74–84.

4. *Kastel's M.* Informacionnaya e'poxa: E'konomika, obshhestvo i kul'tura. M.: GUVShE', 2000. 458 s.

5. *Kulikova O.B.* Novy'j e'tap nauchno-texnicheskoj revolyucii i razvitie socialisticheskogo obshhestva. Ivanovo, 1989. 13 s.

6. *Maklyue'n G.M.* Ponimanie media: Vneshnee rasshirenie cheloveka. M.: Kuchkovo pole, 2014. 129 s.

7. *Melent'ev L.A., Makarov A.A., Ivaxnov A.V.* Politika berezhlivosti. M.: Sov. Rossiya, 1982. 80 s.

I.V. Tsifanova

Explication of Understanding of Modernity in the Theory of Information Society

The article analyzes the transformation of the philosophical understanding of modernity as a social phenomenon that came to the fore due to the radical changes in public life described in the theories of D. Bell, M. McLuhan, M. Castells, which led to rethinking of the existential and functional characteristics of information. The thesis on the fundamental interrelation of the formation of the information society with the increasing role and place of identity in the social and individual consciousness of a modern man is substantiated.

Keywords: modernity; information society; identity; social structures; social being.